

ОТ ТАКОГО И СЛЫШУ: О СОДЕРЖАНИИ И УЗУСЕ ПОНЯТИЯ МАНИПУЛЯЦИИ

П.Б. Паршин,
МГИМО (У) МИД РФ,
pparshin@mail.ru

В рефлексии коммуникативных процессов, в особенности массовых, не последнее место занимают рассуждения относительно их во многом манипулятивного характера. *Манипуляция, роботизация, оболванивание, зомбирование, наркотизация, промывка/запудривание мозгов* – все эти выражения обильно представлены как в откровенно публицистических, так и (во всяком случае, первое) в претендующих на академичность публикациях.

Если говорить о последних, то среди них выделяется несколько различных категорий¹, прежде всего:

- Теоретические исследования манипуляции и родственных явлений в различных сферах общественной практики, дисциплинарно принадлежащие психологии, лингвистике, семиотике, социологии, этике, социологии и политологии.
- Выполненные в жанре case studies исследования конкретных случаев манипуляции, обычно либо общеизвестных и вопиющих («знаменитых лингвистических преступлений»), либо, наоборот, «недооцененных» (чаще всего современных), а также мемуары их свидетелей.
- Публикации прикладного характера, обычно позиционируемые как руководства по противодействию манипуляции (хотя иногда и по ее осуществлению). Отечественные публикации такого типа написаны почти исключительно психологами, тогда как за рубежом соответствующая проблематика привлекала внимание также лингвистов и представителей других наук.

Тезис о манипулятивности политического и рекламного дискурса и PR-текстов (это как минимум) считается самоочевидным и не только иллюстрируется многочисленными примерами из новейшей истории, но и эффектно живописуется в беллетристике («Generation П» В. Пелевина, «99 франков» Ф. Бегбедера) и в кинематографе («Шоу Трумэна», «Плутовство», отчасти «Матрица»). Имеющий в европейской культуре глубокие культурно-идеологические корни страх перед утерей свободы воли трансформируется в уверенность в том, что с формированием систем массовой коммуникации возможности для реализации такой утери значительно возросли и сплошь и рядом реализуются.

Во всех этих соображениях есть, разумеется, доля истины, однако обсуждение того, насколько она велика, в задачи доклада не входит. Обсудить в нем предполагается другое: внутреннее устройство термина «манипуляция», практику его использования и, отчасти, его дисциплинарный статус. Иными словами, настоящий доклад – не столько о феномене манипуляции, сколько о рефлексии этого феномена.

Манипуляция как самоприменимое понятие

Общепризнанного определения манипуляции не существует, и даже его общее неформальное понимание далеко не однородно. Обращает на себя внимание, однако, тот факт, что, хотя некоторые авторы явным образом отмечают наличие в термине «манипуляция» негативного оценочного компонента (см., напр., [1: 10-11; 2: 19]), это никак не отражается на предлагаемых ими определениях и в дальнейших обсуждениях повсеместно происходит «смещение

¹ По соображениям объема библиография предельно сокращена.

ведущего акцента с оценочного взгляда на технологический» [3: 45], то есть на предпосылки и приемы (обычно используется именно это синкретическое понятие) манипуляции.

Однако пренебрежение оценочным компонентом слов *манипуляция* и *манипулировать*, то есть их прагматикой, приводит к серьезной аберрации. Совершенно очевидно, что применение этих выражений к тому или иному положению дел решающим образом зависит от системы убеждений/представлений (beliefs) тех, кто этими выражениями пользуется. Например, люди могут расходиться в отношении того, должно ли одно и то же множество дискурсивных практик называться *манипуляцией* (и тем самым осуждаться) или же, скажем, *эффективным убеждением* или *блестящей журналистикой* (и тем самым одобряться или, по крайней мере, приниматься). С другой стороны, возможно расхождение во мнении относительно того, должны ли различные множества дискурсивных практик (скажем, «патентованная» тоталитарная пропаганда, с одной стороны, и PR в современных обществах западного типа – с другой) в равной степени признаваться манипулятивными.

Реально сплошь и рядом возникает такое ощущение, что стороны, противостоящие друг другу в политических и идеологических (в широком понимании) дебатах, тяготеют к тому, чтобы обвинить друг друга в манипулировании, чуть только они обнаруживают, что коммуникативные усилия оппонента оказываются эффективными.

А коль скоро это так, то всякий, кто когда-либо ознакомился с литературой по проблемам манипуляции (или думал о них), с легкостью узнает здесь замечательно знакомый мотив. Сравнение выражений *X – прекрасный коммуникатор* («великим коммуникатором» в США называли популярнейшего Р. Рейгана) и *X – прекрасный манипулятор* демонстрирует ту же оценочную пропорцию, что и классические примеры типа *разведчик/шпион*, *вера/фанатизм* и т.п. Завязанное на системы убеждений употребление слов *манипуляция* и *манипулирование* оказывается тождественным употреблению таких лексических единиц, как, скажем, *терроризм*, *свобода* или *демократия* – которые, помимо прочего, известны своей вовлеченностью в манипулятивные процессы. Негативные (как в словах *манипуляция* или *терроризм*) или позитивные (как в случае *свободы* и *демократии*) оценочные компоненты таких лексем (и обозначаемых ими понятий) константны² и всегда передаются при коммуникации, однако сами эти понятия применяются к существенно различным (часто противоположным) положениям дел в зависимости от взглядов и/или прагматической интенции говорящего.

Известны различные концептуальные и терминологические трактовки такого рода понятий и соответствующих им языковых выражений. В частности, более тридцати лет назад восточногерманский лингвист В. Шмидт [4] называл их «идеологически связанными» (ideologiegebunden), а Дж. Лакофф много позднее определял их как «спорные (contested) концепты», в составе которых «имеется на подвергаемый сомнению, но недоопределенный центральный концепт, который расширяется на основе идеологий или других наборов убеждений относительно более общих материй» [5].

Понятие манипуляции, таким образом, попадает в весьма специфическую компанию. Аналитически оно оказывается самоприменимым, а в плане речевого воздействия обнаруживает свой собственный манипулятивный потенциал.

Определение манипуляции: модус и диктум, значение и узус, прототип и вариации

Итак, большинство определений манипуляции выдвигают на первый план «технологический» аспект – ее «скрытый» характер, который понимается как отсутствие у ее объекта осознания оказываемого на него внешнего воздействия, в результате чего это воздействия воспринимается им как внутренний душевный порыв. Этот аспект хорошо рассмотрен в [3], а в беллетристическом изложении Ф. Бегбедера формулируется так:

«М-м-м, до чего же это приятно – влезать к вам в мозги! До чего же сладко владеть вашим правым полушарием! Ваши желания больше вам не принадлежат – я навязываю вам свои собственные. Я запрещаю вам желать как бог на душу положит. <...> Это я решаю сегодня, чего вы захотите завтра» [7: 20]).

Однако основной пафос настоящего доклада заключается в том, что, при всей важности (и интересности) «технологического» аспекта, он в полной мере значим лишь для **ситуаций манипуляции**, причем на самом деле не

² С одно оговоркой: хорошо известно явление изменения оценочного значения таких единиц на противоположное, когда, например, слово *демократия* становится ругательством, а слово *террорист* – гордым самоназванием. Это явление, однако, предполагает особого рода квазичитирование, обычно маркируемое кавычками на письме или особыми просодическими признаками в устной речи. Полное оценочное расхождение и образование подлинных энтантеосемических пар здесь вряд ли возможно в силу принципиальной полемичности любой идеологии (см. [6: 219-220]).

всех, а только **прототипических**. Оценочность же присутствует во всех высказываниях о манипуляции³ – в том числе и осуществляемых в таких случаях, когда ситуация, относительно которой делается высказывание, существенно отличается от прототипической манипуляции. И поэтому без надлежащего учета оценочной семантики невозможно ни объяснить использование термина «манипуляция», ни определить его роль в сегодняшних общественных дебатах, ни эксплицировать его отношение к родовой категории влияния/воздействия и взаимосвязанным категориям лжи, обмана, искажения истины и т.п.

Ниже предлагается описание понятия манипуляции и его узуса, в соответствии с которым понятийным ядром глагола *манипулировать* (в «социальном» его значении) и производных от него лексем является оценочное утверждение, и приводятся некоторые аргументы в пользу именно такого описания.

Высказывание о манипуляции: оценочное понятийное ядро

Глагол *манипулировать*, имена действия *манипуляция*, *манипулирование* и имя деятеля *манипулятор* используются (в различных синтаксических и семантических конструкциях) некоторым внешним наблюдателем (субъектом оценки) **Z** ситуации социального воздействия **Infl**, оказываемого **X**-ом (субъектом воздействия) на **Y**-а (объект воздействия). С помощью этих лексем **Z** во всех случаях употребления данных лексических единиц сообщает о том, что, по его мнению, воздействие **Infl** (а) эффективно и (б) эффективность Infl не соответствует интересам **Z**-а. При этом использование для передачи этих двух сообщений именно перечисленных выше лексических единиц обусловлено стремлением обосновать откровенно субъективный оценочный компонент (б), подводя оцениваемую ситуацию **Infl** под ситуацию прототипической манипуляции, которая характеризуется целым рядом параметров, делающих ее этически предосудительной.

Именно эти два семантических компонента – эффективность и несоответствие интересам субъекта оценки – являются конститутивными для понятия манипуляции. Все прочие семантические компоненты, задающие в совокупности прототипическую ситуацию манипуляции (см. ниже), выводятся из них в соответствии с некоторой кратко характеризуемой в дальнейшем логикой.

Можно, конечно, возразить, что под данное определение попадают также некоторые другие оценочные высказывания о социальном воздействии, например, *X дурно влияет на Y-а*, *X развращает Y-а*, *X обманывает Y-а*, *X [морально] портит Y-а (Не порти мне ребенка!)* и т.п., но это не так: ни один из перечисленных предикатов не фиксирует в своей семантике факта эффективности социального воздействия (а вот глагол *манипулировать*, равно как и его более экспрессивные (квази)синонимы типа *зомбировать*, фиксируют). Можно было бы также возразить, что **Z** не сообщает о несоответствии ситуации эффективного воздействия своим интересам, а просто осуждает это воздействие, тогда как декларируется им несоответствие этой ситуации интересам **Y**-а, однако анализ реального использования глагола *манипулировать* и производных от него слов показывает, что за осуждением стоит именно несоответствие интересам субъекта оценки **Z**, которое, однако, подается им как несоответствие интересам объекта манипуляции (что на самом деле имеет место только в прототипическом случае) – в этом, собственно говоря, и заключается манипулятивный потенциал понятия манипуляции, о котором говорилось в предшествующем разделе.

Ситуация прототипической манипуляции

В ситуации прототипической манипуляции к понятийному ядру добавляется ряд других понятийных компонентов, перечисляемых ниже.

(1) Актор **X** (субъект воздействия), преследуя некоторую свою цель **Gx**, коммуникативными средствами успешно вынуждает актора **Y** (выступающего в качестве объекта воздействия) вести себя таким образом, что поведение **Y**-а способствует достижению **Gx** (иными словами, **X** программирует поведение **Y**-а); и

(1') угодная **X**-у модификация поведения **Y**-а опосредуется изменениями в его убеждениях/представлениях; и

(2) в силу тех или иных причин [обсуждение которых является предметом «технологического» исследования предпосылок и процессов манипуляции] имеет место какое-либо из следующих положений вещей [степень манипулятивной прототипичности которых убывает от (а) к (в)]: **Y**

(а) либо не осознает, что **X** оказывает влияние на его поведение,

(б) либо нисколько не озабочен этим,

(в) либо оказывается не в состоянии противостоять воздействию со стороны **X**-а; и

³ Разграничение ситуации манипуляции и высказывания о манипуляции представляет собой одну из реализаций разграничения диктума и модуса в смысле Ш. Балли и параллельно разграничению сообщаемого факта и факта сообщения у Р. Якобсона.

- (3) **Z** полагает, что у **Y**-а имеются некоторые свои («подлинные») интересы I_{y_1}, \dots, I_{y_n} , которые известны Z-у, противоречат G_x и не противоречат интересам **Z**-а; и
- (3') таковые интересы у **Y**-а действительно имеются; и
- (3'') **X** осознает, что его цель противоречит интересам **Y**-а; и
- (4) **X** вынуждая **Y**-а вести себя таким образом, что это способствует достижению цели **G_x**, сознательно отбирает такие коммуникативные средства воздействия, которые затрудняют осознание Y-ом того обстоятельства, что его деятельность, способствующая достижению цели **G_x**, противоречит его собственным интересам I_y; в частности [последние три условия задают «прототип внутри прототипа»]
- (4') **X**, вынуждая **Y**-а вести себя таким образом, что это способствует достижению цели **G_x**, передает Y-у некоторую информацию, которую **Z** считает ложным (то есть **X**, по мнению **Z**-а, дезинформирует **Y**-а); и
- (4'') **X** намеренно передает **Y**-у такую информацию, которую он сам считает ложной (то есть **X** обманывает **Y**-а); и
- (4''') **X** облакает ложную информацию в такую форму и/или подает ее в таком режиме, которые затрудняют осознание Y-ом ее ложности.

Подчеркнутые в приведенной выше формулировке компоненты характеризуют именно прототипическую манипуляцию. Отсутствие их в ситуации, относительно которой делается высказывание о манипуляции, не исключает, как показывает узус, возможности сделать такое высказывание, однако ситуация манипуляции при этом, естественно, удаляется от прототипической, а само высказывание о манипуляции становится все менее обоснованным и, достаточно часто, все более манипулятивным с точки зрения некоторой объемлющей оценочной ситуации и некоторого субъекта оценки второго порядка **W**.

Некоторые минимальные комментарии

Остановлюсь кратко на «естественной логике», связывающей оценочное понятийное ядро и ситуацию прототипической манипуляции.

Легко заметить, что в прагматическом плане высказывание о манипуляции содержит в себе не только, а порою и не столько осуждение манипулятора, но и, как минимум, неудовольствие поведением манипулируемого, степень которого может варьировать от сожаления до досады, раздражения, осуждения и презрения, отвращения и ненависти, нередко сопровождаемых бранью именно в адрес объекта манипуляции (другой вариант отношения – патерналистская жалость). Манипулятор **X**, в соответствии с этой логикой, преследует свои цели и действует вполне рационально (и даже, согласно одной из этических позиций, находится «в своем праве»); он – оппонент **Z**-а, и с ним все ясно; основное же неудовольствие у **Z**-а (которое и является мотивом вынесения негативной оценки воздействия **InfI** и объявления его манипуляцией) вызывает то, что **X**-у сопутствует успех, и вина за это, в различных пропорциях, разделяется между **X**-ом (больно искусен) и **Y**-ом (невнимателен, беспечен, глуп, слаб, конформен и т.п.). Именно отсюда – интерес к технологии манипуляции. Неудовольствие же успехом **X**-а обусловлено тем, что достигаемая им модификация поведения **Y**-а (которого **Z** не считает своим оппонентом и обычно сам бы хотел воздействовать на его поведение), не соответствует интересам **Z**-а. **Y** ведет себя не так, как этого хотелось бы **Z**-у, и это обстоятельство для **Z**-а столь невыносимо, что он объявляет поведение **Y**-а не соответствующим его собственным, **Y**-а, интересам: ну не может не являющийся злонамеренным субъект вести столь неприятным для меня способом, значит, он побуждаем к этому другим, злонамеренным и коварным субъектом. А коль скоро **Y**-у не резон действовать против своих интересов, то, в самом прототипическом случае, этот злонамеренный субъект (**X**) использует некоторые специальные приемы, и очень даже желательно считать, что он прибегает к такому заведомо морально осуждаемому средству, как обман, а чтобы этот обман оказался более эффективным, он тем или иным способом его камуфлирует.

Конечно, так бывает. Однако, во-первых, необходимо признать, что основной предпосылкой эффективного коммуникативного воздействия, которое с точки зрения заинтересованного наблюдателя всегда может быть названо манипуляцией, является все-таки не столько искусство манипулятора, сколько универсальные особенности человеческой коммуникации. Эффективность коммуникативного воздействия зависит от широко понимаемой формы используемых в ней сообщений и степени критичности восприятия этой формы⁴, определяемой способностью адресата к рефлексии и прагматической установкой на необходимость такой рефлексии, что далеко не одно и то же и описывается средствами различных дисциплин – грубо говоря, лингвистической семантики и психологии, с одной стороны, и лингвистической прагматики, теории ограниченной рациональности Г. Саймона и теории релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон – с другой. Таковая установка, в свою очередь, определяется

⁴ Ср. понятие значимого варьирования, предложенное в [8].

совокупностью условий (социальных, политических и прочих), в которых происходит коммуникация, что все это делает разговор о манипуляции по необходимости междисциплинарным. Призыв к противодействию манипуляции – это разновидность призыва к бдительности, которая настолько осложняет жизнь, что каждый сам должен решать, находится ли он в той ситуации, в которой бдительность чревата меньшим ущербом, чем ее отсутствие. Впрочем, умение легко распознавать типичные манипулятивные приемы снижает цену бдительности до приемлемого уровня, и поэтому ознакомление с ними, безусловно, может иметь профилактический эффект.

Во-вторых, выбор предметов в эмпирических исследованиях манипуляции неизбежно зависит от широко понимаемых интересов исследователя. Социальные критики постсоветской действительности сосредоточены на манипулятивных (в их оценке) практиках российских либералов-западников (см., прежде всего, [2]); антиглобалисты, ряды которых укреплены Н. Хомским, изобличают манипулятивные практики «Межсооба» (негативно-оценочная аббревиатура международного сообщества), а вот автор данного доклада, например, усматривает признаки несомненной и очень навязчивой манипуляции в дискурсе об «интеллектуальной собственности» (ср. [9]) и «интеллектуальном пиратстве», целиком построенном на эффектных, но некорректных метафорах. Такой подход к выбору предмета, вообще-то, вполне понятен, но требует трезвого и адекватного к себе отношения и осознания специфики узуса термина «манипуляция» и его семантических «соседей». Лишь после этого стоит говорить о технологии.

Литература

1. Цуладзе А. Политические манипуляции или покорение толпы. М., 1999.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000 (имеется несколько переизданий).
3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизм и защита. М., 1997.
4. Schmidt W. Ideologiegebundenheit der politischen Lexik // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 22 (1969), H. 3.
5. Lakoff, G. The Neurocognitive Self // Solso, R. L. & Massaro, D. W. (eds.) The Science of the Mind: 2001 and Beyond. Oxford., 1995.
6. Паршин П.Б. Функционально-семантические основания идеологического дискурса // Труды Международного семинара Диалог'97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1997.
7. Бегбедер Ф. 99 франков. М., 2002.
8. Паршин П.Б., Сергеев В.М. Об одном подходе к изучению средств изменения моделей мира // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 688. Принципиальные вопросы теории знаний. – Тарту, 1984.
9. Паршин П.Б. Прагматика и грамматика социальной жизни (заметки о диалоге по поводу института «интеллектуальной собственности» // Когнитивные модели и институциональные трансформации / Под ред. В.М. Сергеева. М., 2003.